

Мы так смеялись...

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Не надо путать американскую «Полицейскую академию» с российскими «Ментами» и прочими «Разбитыми фонарями»: там шутят над отдельно взятыми простофилями и неумехами, от которых тем не менее есть польза государству, а здесь предлагают такими же простофилями восхищаться, поскольку других у нас, как показывают версии, просто нет. Точно так же не надо путать «их» фильмы о роскошно изобретательных шпионах, чья работа делает честь тому государству, на благо которого идет шпионаж, с нашими фильмами и разнообразными телерасследованиями, персонажи которых не делают чести ни государству, ни авторам этих опусов.

Современная публика, даже самая юная, не выросшая, а только родившаяся в стране, которая 14 лет назад перестала называться «СССР», точно знает: у нас смех — больше, чем смех (как и поэт — больше, чем поэт). Только в России мог родиться гоголевский «смех сквозь слезы»; только здесь могло появиться сухово-кобылинское сочинение о преследованиях и издевательствах, где в названии фигурирует «смерть», а в определении жанра — «шутка». Смех у нас, еще со времен скоморохов, остался способом душевного самосохранения, но, сочетаясь со слезами, он не отдает истерикой, а свидетельствует об отточенности ума, способного невинно намекнуть на то, о чем вслух говорить опасно. Впрочем, сегодня безопасно говорить о многом, и потому смех теряет свои классические, уникальные особенности, превращая запретные плоды в прокисшие консервы.

Качество смеха, как известно, зависит не только от качества юмора, но от склада психики, жизненного опыта, национальных традиций того, кто смеется. Известно и то, что в одиночку человек далеко не всегда рассмеется глупой реплике, скабресной картинке, а вот если все вместе, то общий тонус подогревает, раскрепощает; и там, где «я» говорю «не смешно», то «мы» — «так смеялись». Прежде мы слышали подзвучку в виде гомерического закадрового хохота в импортных телепередачах. Теперь мы видим (вполне вероятно, подмонтированный) зрительный зал с запрокинутыми в хохоте головами, с буйно плещущими руками. Мне, у телевизора, может быть не смешно, а они, там, смеются — и кто-то из нас явно не прав.

Хохочут посетители недавно появившейся на TNT юмористической программы «Комеди клуб». С дилетантов какой спрос? Ребята не в смокингах, а в подчеркнуто нахальных майках, шарфах, вовсе странных предметах, заменяющих брюки. Манера общения со зрительным залом, где, как это

сейчас принято, стоят у рампы столики для VIP-гостей, самая что ни на есть вольная. Однако эти ребята, в отличие от знаменитых конференсье прошлого века, не забывают «прогнуться» перед некоторыми из посетителей, подчас нам с вами, уважаемые зрители, и незнакомых. Видно, нужные люди.

Так получалось, что в течение нескольких недель я застывала только финальный монолог ведущего этой программы. Не могу сказать, что очень смеялась, но были забавные, живые реплики, и даже не все — безвкусные. В последний раз нам с авторами программы, похоже, не повезло. И «самая

ем упорстве — «не халтуру», «не тороплюсь» — был логичен как ученик и последователь великого Райкина.

Райкин возник на прошедшей неделе и в далеком от смешных ситуаций контексте, в показанном на канале «Россия», видимо, к тридцатилетию событий, документальном фильме «Балтийский мятеж. Саблин против Брежнева». Фильм шел почти в полночь, не уверена, что его многие смотрели, а жаль. С одной стороны, телевизионный опыт здесь ничем не обогатился, использование документальных материалов, современные интервью с участниками и очевидцами вполне банальны. С другой стороны, история о потопленном мятеже, поднявшем славу страны в виде протеста против времени, известного как «застойное», трогательна и ужасна. Меня же в фильме больше всего поразила фраза из обращения мятежного политука, где шла речь о горьком смехе Райкина и необходимости действовать, ибо этот смех взыскует...

А сегодня мы смотрим по Первому каналу 16-серийный опус под названием «КГБ в

Прежде мы слышали подзвучку в виде гомерического закадрового хохота в импортных телепередачах. Теперь мы видим (вполне вероятно, подмонтированный) зрительный зал с запрокинутыми в хохоте головами, с буйно плещущими руками. Мне, у телевизора, может быть не смешно, а они, там, смеются — и кто-то из нас явно не прав.

культурная гнида в мире» (маленький юноша с пародией на работу канала «Культура»), и представлявший тех самых VIP-гостей полухам-полуэстет, «гламурный подонок», и несколько парных скетчей (они от нашей эстрады полувековой давности отличались только лексикой, но не качеством юмора, тем более не мастерством исполнения), и хозяин эстрады Гарик Мартиросян со старым по сути трюком — намеком на попури из воруемых или используемых у нас чужих музыкальных номеров — все они годились на то, чтобы «мы» так смеялись. «Я» же, как ни старалась, не смогла соответствовать.

Не дали нам посмеяться и в ночной программе канала ТВЦ «25-й час. События. Время московское», где в пятницу гостем в студии был Роман Карцев. Он в очередной раз подтвердил известное: профессиональные комики — люди очень серьезные и ответственные. В заштанной маечке он был странен рядом с рубашечно-галстучным ведущим. Зато в сво-

смокинге». Это его я имела в виду в начале обзора: над кем смеемся? как смеемся?

Что фильм скучен, что Аргентина или Чили с бородачом в панчо плохо декорированы, что извечный «иностранец» русского кино Ю. Будрайтис лениво-многозначителен, а несомненно заразительный актер О. Фомин, он же режиссер сериала, повторяет то, что гораздо злее и выразительнее сыграл в предыдущем своем фильме — «Next», это даже не стоит обсуждать. А вот стоило бы обсудить вопрос о том, что после массы игровых и документальных фильмов о руководителях нашей страны появился фильм не просто с участием Андропова-персонажа, но едва ли не пародирующий деятельность целой госструктуры.

И что особенно забавляет, жанр этого фильма назван комедией. В нем убивают, в нем совершают жестокие преступления. А телевидению — хоть бы что: «мы» так смеялись.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.